

Владимир Сотников

ХОЛОЧЬЕ

ЧЕРНОБЫЛЬСКАЯ САГА

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С67

*Издание подготовлено при участии
литературного агентства «Флоберрум»*

Сотников, Владимир
С67 Холочье. Чернобыльская сага/Владимир Сотников — Москва: Издательство АСТ, 2020 — 224 с. — (Чернобыль: книги, ставшие основой знаменитого сериала)

ISBN 978-5-17-119983-8

Жизнь пишется на неведомых носителях, и человек вечно занят разгадкой этих записей. «Будь я атомом, в капле воды увидел бы океан. Так и в Холочье я видел мироздание», - думает герой романа о деревне, в которой вырос и которая была стерта с лица земли чернобыльской катастрофой.

Эта книга написана не словами, а смыслами. Автор создает своего рода феноменологический рисунок жизни. Пожалуй, в современной русской литературе трудно найти столь неожиданный взгляд на человека, социум и природу в их единстве.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN: 978-5-17-119983-8

© Владимир Сотников, текст, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧАСТЬ I

1.

Пишется жизнь, не требуя слов, умения и желания, пишется на неведомых носителях.

Я вспоминаю одну странную картину моего детства. Она никогда не становится полной, как, впрочем, и все, возникающее в памяти, но всегда пытается проявиться своим смыслом наподобие того, как мифы вырисовываются перед нами не подробностями событий, а общим результатом происшедшего. Вспоминая это, я лишаюсь не только умения писать, но и дара речи, как будто переношусь в самое начало времени, когда не было слов.

Я стою у своего дома и смотрю на лес. На высокой опушке горит костер, дым поднимается вертикально к небу. Вдруг я слышу выстрел. По лугу бежит мой друг Витька. Он падает, подхватывается, опять бежит. Я срываюсь навстречу, и вот мы уже вместе бежим обратно к лесу. У костра, раскинув руки, лежит его отец. На груди у него кровь, глаза неподвижно смотрят в небо. Он мертвый. Я не помню, как мы прибежали в деревню, как появились вокруг взрослые, как меня закрыли в доме. Время за-

хлопнулось, как дверь в моей комнате, не выпуская меня. В любое другое свое воспоминание я могу добавить подробности, могу раздвинуть его чувственное пространство, могу добавить слов. В любое, но не в это. Даже эти немногие слова дались мне с трудом, словно их не должно быть. Я вижу только дым, устремленный к небу над опушкой.

И вот опять я больно ударил по своим чувствам, потому что опять не сумел рассказать и объяснить тот случай из прошлого. А возможно ли это? — спрашиваю я себя в утешение. — Возможно ли объяснить? Нет. Так чего же я хочу? Хочу уловить связующую нить жизни с ее образами. Дым к небу над опушкой — один из них. Он поднимается к тому, что существует за пределами моей жизни, но находит подтверждение в моих чувствах.

4 За огромным полем у самого горизонта виднелась темная полоса леса. К нему по вечерам опускалось солнце, день заканчивался, но воспоминание о таком же закате обещало новое повторение, и прошлое сливалось с будущим. Мне казалось, время соединяется именно там, у горизонта. Однажды я пошел туда. Шел долго, с высокого поля оглядывая все вокруг, думая о том, что вот иду по поверхности земного шара, как великан. Я любил такие сравнения, любил удваивать все, что видел, это была моя детская игра. Даже свой примятый в траве след, оглянувшись, я сравнивал со вчерашним днем, в котором события, вспоминаясь, распрямлялись,

как травинки. А еще думал, что, может быть, я остался возле своего дома, откуда часто смотрел на это поле, а здесь не я, а мое желание пойти сюда.

Когда я уже спустился с пологого поля и приблизился к соснам, свистевшим на ветру своими иголками, и оказался на берегу маленького круглого озера, поверхность которого была неподвижной, несмотря на ветер, — неизвестный мне страх охватил меня. Я заглянул туда, вниз, увидел только свое отражение и прозрачную воду — ни дна, ни травинки, ни водорослей не было там. Прозрачная вода казалась темной в бездонном провале. Я смотрел туда, словно нарушая запрет, не позволяющий совместить теплый воздух вокруг меня и холод уходящей вниз бесконечности. Я оказался над чем-то непонятным, над переходом в другой мир, над чем-то единственно отличающимся от всего, что меня окружало.

С трудом я отошел от края этой пропасти. Рядом была заросшая травой дорога, почему-то я поднял на ней камешек. Может, потому что он был совсем один на этой едва различимой тропинке, я вернулся и бросил его в воду. Он ушел почти без всплеска, стремительно, даже не показав своего погружения. И я бросился домой, убегая от непонятного страха. Но надо ли говорить, что ходил я туда не раз?

Вот и еще один образ из того времени. К дыму над лесом добавилось это бездонное окно. Как будто ввысь и вглубь раздвигались пределы той жизни, доказывающие ее бесконечность.

Сейчас там только простор, заросшее травой и березами поле, которое было и до того, как сто лет назад деревня появилась вокруг почтовой станции, через которую проезжал когда-то Пушкин по пути из Одессы в Михайловское, и стала называться Холочье, потому что на местном наречии это слово означало паводковое гнездо из мусора, плившее весной по реке и прибившееся к берегу. Первые поселенцы согласились с тем, что их прибило к этому берегу течением жизни.

Время взметнуло свой полог, подарив на столетие этому пространству живую жизнь, и опять застыло в своем вечном покое. Невидимый черныбыльский потоп смыл эту жизнь, дома разрушили и закопали под землю, люди разъехались кто куда, деревня исчезла.

Как страшно мне присваивать единственный взгляд на прошлое. Никого там пока нет, кроме меня. Я не хочу быть один и оправдываю свою смелость воспоминанием о детском открытии. Тогда я понял, что самое главное в жизни — взгляд, исходящий из меня на все вокруг, и пусть я не понимаю, что такое жизнь, зато все вижу.

Ребенок это открыл, взрослый сейчас записал — кто кому помог? Не важно, потому что мы один человек. Я посылал из детства сигналы в мою нынешнюю жизнь, чтобы понять, для чего появился.

Я постучался в крайний дом. Эта фраза часто снится мне вместе с этим беззвучным стуком. Правда не надоедает, и я только жду продолжения ее.

2.

Этот дом в детстве казался непохожим на остальную улицу, застывшую в общем чувстве, и взгляд возле него всегда настраивался на бескрайнее поле и небо. Провожая меня удивленными окнами, он запоминал время моего проскальзывания мимо него, ожидая возвращения, как страж у порога времени и пространства. А я обманывал его. Уносился на велосипеде, делая огромный круг, и возвращался в деревню с другой стороны. Я играл с этим домом в игру, ставшую потом жизнью, уезжая как будто навсегда. Как будто навсегда. Понимал ли я это тогда, как понимаю сейчас? Нет, конечно. Мне просто нравились огромные круги, замыкающиеся на моей деревне, а не прямые линии туда-обратно. Я старался очертить, присвоить себе побольше пространства. И после песчаной дороги, по которой ехать было тяжело, потому что песок не давал колесам крутиться и был похож на воронку в песочных часах, только вытянутую, я всегда останавливался на высоком холме рядом с овчарней в виде креста, ставшей потом свинарником, а потом разрушен-

ной, и отдыхал после подъема, чтобы посмотреть обратно. Прощальный взгляд на улицу начинался с этого крайнего дома.

Нет ничего более отвлекающего в воспоминаниях, чем нечаянное чувство, вспыхнувшее со стороны, словно блик солнца, отраженного от какой-нибудь стекляшки в придорожной траве. Сейчас я вспомнил, что в детстве хотел, чтобы и мой дом стоял на краю деревни. Чтобы, засыпая вечерами, прижавшись к стене, чувствовать за ней гул безграничного простора, куда я мог вылететь в своих снах, не боясь уличных проводов и деревьев — они не раз мешали моему полету. Странное объяснение притягательной тайны крайнего дома. Но пока эта тайна не разгадана, мне приходится мириться с тем, что все попытки ее объяснения будут такими же странными и преждевременными. Наверное, у меня просто нет сил на эту разгадку. Или времени.

А солнце, закатное солнце? Оно зависало над краем улицы, над этим домом, и я смотрел туда, где даже песок был красным, не только воздух. В это марево мимо меня, сидящего на лавочке у своего дома, возвращался с работы хозяин крайнего дома дядя Шура. Он нес свой топор, держа его за лезвие, вниз топорищем, и в этой шагающей фигуре на фоне заката было все завершение прошедшего дня. Ему навстречу бежали его дети-погодки, Гена и Люда, и в коляске у дома, ждал, ничего не зная, третий, маленький — я уже не помню, мальчик или

девочка. Эту картину чужого и понятного счастья я видел потом много раз в фильмах, но там она всегда являлась лишь слабым повторением первоначальной.

После прохода по улице дяди Шуры начинался вечер. Я смотрел в дымчатый закатный воздух, растворивший моих соседей, и туда, в сторону этого крайнего дома, перетекало неуловимое чувство. Наверное, это и было течение времени.

И деревья там были необычные, старые вербы. Очертаниями своих крон они напоминали мне грузовик — высокую кабину и длинный кузов, и поэтому всегда вызывали чувство ожидания: стоит зеленая машина, покачивается, будто завелся мотор, и вот-вот готова тронуться с места. А над ней, далеко над горизонтом, если взглядеться, можно было рассмотреть маленькую ветряную мельницу в дальней деревне. Движение ее крыльев из-за расстояния было неразличимо.

А может быть, в тайне этого дома виновата лишь одна фраза, сказанная тетей Зоей, его хозяйкой? Экскаватор копал русло нашей маленькой речки, превращая ее в прямую канаву. Мы собирали рыбу, выброшенную ковшем в грязные лужи. Я услышал слова тети Зои: «Это как для нас потоп. Только наоборот». И она ушла к своему дому через луг, без рыбы. Я ничего тогда не понял, но всю жизнь, если попадалась на глаза литография Доре, иллюстрирующая Всемирный потоп, вспоминал этих копоша-

щихся в грязных лужах рыб, задыхающихся без воды. И представлял тетю Зою, и то, как шла она к своему дому.

Еще у них была бодучая корова. Мы боялись ее и обходили стороной.

Что еще?

Воспоминания об этом доме всегда будут странными.

Мишка был старше меня лет на пять. Почему он не любил живущих по соседству? Этого я не понимал, но принимал как странное деревенское правило: дальние соседи дружат, ближние — нет. В тот день мы с ним оказались вдвоем, чинили велосипед, о чем-то говорили. Он был старше, повторяю я, а это в детстве главное при распределении ролей. К тому же Мишку учил в школе мой отец и хвалил его за успеваемость. Может, поэтому я и слушал Мишку. Он рассказывал мне о крайнем доме. Взрослые сплетни, переведенные на детский язык. Курей не кормят, огород не полют, ведро в колодец уронили — там и оставили. Мне бы уйти, но я был маленький, и у меня не было нынешнего опыта жизни. И вдруг он встрепенулся: «А мы вот сейчас им устроим!» — и объяснил, что я должен делать. Я не то чтобы подчинялся, просто был вместе с ним. Рядом. В третий раз повторяю: он был старше. Лет на пять.

Он дал мне куриные яйца, я сел позади него на багажник велосипеда. Мишка разогнался, и я, по-

равнявшись с крайним домом, бросил эти яйца, одно за другим, в стену. Яйца лопались и стекали желтыми разводами. В ушах сквозь свист ветра звучало довольное хихиканье Мишки. А на крыльце стояла тетя Зоя и смотрела на меня испуганными глазами.

Вот и все. Вот и главная разгадка моей тайны. Я вписал свое имя золотыми буквами в стену этого дома навсегда.

Дядя Шура, тетя Зоя. Если там, где вы сейчас, есть стены, я сделаю их чистыми, как небо.

3.

Свиньи были как люди. Я никому об этом не говорил, конечно, чтобы надо мной не посмеялись за такое сравнение, но любил наблюдать за ними, когда они паслись на склоне холма под высокими дубами, разрывая дерн в поисках желудей. И смешные поросята были как дети. Так же толкались, так же жались к родителям, жалуясь на обидчиков.

Я любил свой дуб. Он был не старым, не высоким и стоял чуть поодаль от остальных дубов, ближе к речке. У него были удобные для залезания толстые ветки, похожие на перекладины лестницы. Этот дуб как будто для того и вырос. Как будто для меня. Я добирался до той высоты, где ствол становился почти одинаковым по толщине с моим туловищем — мне нравилось такое сходство. Но боковые ветки там были тонкими, и я возвращался пониже, на удобный, как лавочка, сук.

Нет в детстве ничего лучше бесконечных сравнений, которые заменяют будущие мысли. Дуб как лестница, свиньи как люди, склон холма как лист бумаги, на котором я как будто рисовал своим

взглядом. Сидел, держась за ствол, и смотрел сверху на растекающееся по зеленому листу стадо, как путешественник, после долгих странствий попавший в другую страну, наблюдающий ее сверху, чтобы запомнить и потом рассказать о ней. Такое путешествие я совершал часто, если не находилось другого занятия. Так было и в тот день.

Было жарко, безветренно, я сначала несся на велосипеде к мосту через речку, убегая от догонявших меня оводов, создавая встречный ветер и мечтая о том, как сейчас у моста остановлюсь и искупаюсь. Но успел только окунуться, потому что увидел, как из свинарника выходит стадо. Я словно опаздывал. Быстро доехал до середины холма, где налево от дороги начиналась маленькая тропинка, по которой я свободным ходом всегда скатывался к своему месту, своему дубу.

Впереди меня по тропинке шел пастух, то и дело отмахиваясь от слепней. Он нес на плече косу, под мышкой мешок — наверное, собирался где-нибудь у речки накопить травы для своей лошади. Оглянувшись, он увидел меня и стал ждать моего приближения, расплылся в чрезмерной улыбке, как будто кривлялся. Так он всегда улыбался при встрече и не здоровался, а только мычал что-то под нос. Звали его Герасимом и считали ненормальным. В разговорах на него не обращали внимания, только отмахивались всегда, как он сейчас от слепней. И вдруг лицо Герасима изменилось. Он вскрикнул,

замычал и замахнулся на меня косой. До него оставалось метров пять, я приближался стремительно, приближался к своей смерти и ничего не мог сделать — ни затормозить, ни свернуть, ни упасть. Оцепенев от страха, зажмурившись, мгновенно подумав, что чернота в моих глазах и есть конец, я летел в этой темноте. Когда руль задергался в моих руках, потому что велосипед съехал на кочки, я соскочил с него и оглянулся. Герасим хохотал, радуясь удачной шутке.

Я забрался на дуб, сидел наверху и дрожал от страха, несмотря на жару. Казалось, я только что перепрыгнул какую-то пропасть и оказался в другом, незнакомом месте. Я посмотрел на свои ногти — бабушка так учила меня делать, если вдруг испугаюсь чего-нибудь. Опять стало тепло, потом жарко, и я подумал, как хорошо здесь, наверху, спастись от слепней — они носились только внизу, над травой. Я смотрел на свои руки, трогал ими листья, радуясь тому, что могу делать что хочу. Могу залезть выше, могу спуститься на землю. Что ожидаю от себя, то и сделаю. Но я чувствовал, что появилось вокруг меня что-то новое, чего я не понимал и боялся. Какая-то чужая неожиданность.

Я уже собирался спуститься, чтобы через лесную дорогу вернуться в деревню.

Странное движение привлекло мое внимание. Стадо словно бы ожило, расширяясь кругами, приближаясь к пастуху на берегу. Он стал бегать, отго-

няя свиней от реки, взмахивая своей косой, но они только взвизгивали и шарахались в стороны. Эта беготня нарастала, и вдруг одна из свиней бросилась с берега в воду, за ней еще одна, а потом и несколько сразу. Вода в этом месте была мелкая, и скоро все свиньи стояли в речке по самые спины, чавкая водой — я слышал эти близкие звуки.

Потом они выбрались на противоположный берег и разбрелись по лугу вдоль всей нашей улицы. Целый день их старались перегнать по мосту к свинарнику. Но запомнился в деревне тот день именно тем, как свиньи бросились в реку.

До сих пор меня пугает в этом мире беспричинность.